

An abstract painting with a rich, textured surface. The background is a mix of deep blue, magenta, and purple. In the foreground, there are thick, expressive brushstrokes in white, yellow, red, and blue, creating a sense of depth and movement. The overall style is reminiscent of modernist or expressionist art.

ИСААК ШАПИРО

**СДЕЛАЙ, ЧТОБ ТЕБЯ
ИСКАЛИ**

Исаак Шапиро
Сделай, чтоб тебя
искали (сборник)
Серия «Самое время!»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8714738

*Шапиро. И. З. Сделай, чтоб тебя искали: Повести и рассказы.: Время;
Москва; 2014*

ISBN 978-5-9691-1065-6, 978-5-9691-1242-1

Аннотация

Главное, что отличает лирическую прозу Исаака Шапиро, – неповторимая интонация повествования, или, по определению Марины Палей «авторский голос», которому присущи «деликатность, глубина, печаль и тихая, осторожная ласка...», а также ощущение абсолютной достоверности происходящего, какой бы темы ни касался автор. В новую книгу И. Шапиро вошли две повести и рассказы. Это автобиографическая повесть «Сделай, чтоб тебя искали», в которой через детское восприятие показаны размеренная жизнь довоенного прошлого, начало войны, эвакуация, возвращение. В повести «Соломон Второй» автор не только рассказывает удивительную историю жизни главного героя, но и с необыкновенным теплом описывает свои родные Черновцы, именуя этот город, обладающий особым

провинциальным шармом, «зелёным брильянтом в Габсбургской короне».

Содержание

Сделай, чтоб тебя искали	6
Настя	6
Орёл	12
Двор и сад	16
Бархотка	22
Рваные губы	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Исаак Шапиро

Сделай, чтоб тебя искали (сборник)

Оглянись: жизнь – это эпизоды.

...Я оглянулся.

© Исаак Шапиро, 2014

© «Время», 2014

Сделай, чтоб тебя искали

Повесть в рассказах

Настя

Мне четыре года. Маленький, щуплый, личико узкое, будто сдавленное, и прилежная чёлка. Я не особо капризничал, не баловался, всегда говорил «спасибо» и первым здоровался со старшими. Гости считали – воспитанный ребёнок. Мама вздыхала: одни мученья с ним. Настя уверена: хлопчик добрый, але трохи виродок. А папа молчал, курил трубку.

Мама обо мне говорила: «Он ничего не ест, он чахнет». Мама уговаривала покушать, обещала повести в цирк, там живые слоны, там медведи танцуют, там... но зубы я не разжимал. Ей надоело упрашивать, она готова наказать. Я убежал на кухню, спрятался за широкой Настиной попой.

– Выходи, я кому говорю! Настя, он съел только две ложки!

– Да шо він дурний – ложки їсти!

– Кашу не ел, кашу...

– Добре, я за нього зім.

Днём меня укладывали спать. Я слышал, как Настя говорила маме:

– Нехай біда спить...

Я не понимал, зачем большие заставляют маленьких делать неприятное. Жизнь и без того нелёгкая. Почему маленькие должны сидеть на горшке? Зачем пить молоко или рыбий жир? Почему надо умываться мылом, ведь оно щиплет-ся! А каждое утро – манную кашу? Я не мог её видеть, от неё тошнило...

Я жил среди взрослых. Это скучно. Они целый день заняты ненужными делами: стирают, варят, смотрят в толстые книги, обедают. И не болеют.

А я болел. У меня гланды. Мне запрещали пить холодную воду, есть мороженое, снег, сосульки, ходить по комнатам босиком.

Доктор приходил к нам домой. У него совсем голая голова, зато волосы растут из ушей и носа. И всегда ледяные пальцы. Он просил чайную ложечку и протирал её свежим полотенцем. На лбу у него круглое зеркальце. Мне трудно было открыть рот, а он ложечкой давил на язык, чтоб заглянуть глубже. Я задыхался, внутри всё переворачивалось, пот стекал по лицу.

Доктор поднимал густые брови и спокойно объявлял родителям:

– Гланды необходимо удалить.

Я хрипел: что такое – удалить? Он показывал двумя пальцами: чик-чик – и нету.

– Но сначала пускай окрепнет.

Я отворачивался к стенке. Мне совсем не нужно «окрепнуть». При мысли, что будут делать «чик-чик», хотел заснуть и не проснуться.

Им не жалко меня. Таблетку не могу проглотить, а они хотят резать... Только Настя жалела. Слышал, она сказала маме:

– Він худий, як цуцик. Тільки козяче молоко pomoже. Треба козу завести.

Мама смеялась:

– А где будем её держать? У вас в комнате, в нашей спальне или в гостиной?

– Можна у сусідів попросити, у них кладовка пуста. До доброго діла ніхто не відкаже.

Меня держали в постели с толстым компрессом на шее. Голову не повернуть, и было очень жарко. Зато давали папины шахматы. Они железные, тяжёлые. Король и королева как настоящие люди. Кони стояли на задних ногах. А у солдат в одной руке щит, в другой – сабля.

Из одеяла и подушек я делал горы. Армии стояли по разные стороны кровати, готовились к бою. Тёмному королю приклеивал на корону красную звезду, и наши побеждали белых.

Кончились невыносимые дни, я свободен от компресса. Ощупывал шею: она опять моя! После бесконечных просьб меня выпустили из дома. Но в сад мама не разрешала, ни-ни, там после дождя сыро. Мама насухо вытирала скамейку

и стелила мягкую подстилку.

– Сиди на солнышке.

И я грелся. Смотрел, как муравьи куда-то спешили по своей дорожке. Наш двор тихий, безлюдный, а в соседнем звучали голоса: «Три, четыре, пять – я иду искать!».

Я прижимался к щёлке в заборе, подсматривал, как мальчики бегают, кричат: «Тук-тук за себя!». Это у них называется «прятки». Если бы не забор, я мог бы спрятаться за бочкой, – никто не найдёт. Но через высокий забор не перелезть. Потом они ушли на улицу, и я опять остался один. Меня на улицу не пускали. Говорили: по улицам – только уличные дети и шляются...

Мама позвала домой.

– Завтра приезжает папа.

– Какой папа? – спросил я.

Об этом – какой папа? – потом не однажды рассказывали гостям, и те смеялись.

Ничего смешного нет. Папы часто нет дома. Я забывал о нём. И он никогда не гулял со мной.

– Вот когда вырастешь, тогда...

– А когда я вырасту? Завтра?

– Ты растёшь каждый день. А завтра мы с тобой – в парикмахерскую.

Страшное слово – «парикмахерская»... Как «чик-чик» в горле. За что мне? Я готов был болеть в кровати, прятаться под подушку, лишь бы не слышать это слово. Согласен пить

морковный сок, глотать кашу, только бы не...

– Мама говорит, что ты не любишь стричься?

– Пап, с тобой пойду.

На ручки кресла укладывали специальную доску, чтоб я сидел выше. Видел себя в зеркале: укрытый простынёй, несчастный, брошенный всеми. У парикмахера к толстым пальцам прилипли чьи-то волосинки. В углу висел умывальник – почему бы не смыть их? Над моей головой – скрежет ножниц, и клочки волос падали на простыню, прощались со мной. Жалко их.

Одна рука парикмахера держала мой лоб, другая – щёлкала машинкой, которая должна стричь. Но машинка не стригла, а больно выдёргивала волосок за волоском. Я изо всех сил зажмуривался, терпел, но слёзы сами ползли по щекам. Хорошо, что папа вышел на порог покурить, ветер доносил запах его табака.

День за днём я ждал дождей. Не коротких, – после них мелкие лужицы и снова тепло. Я хотел долгих ливней, чтоб тучи закрывали полностью небо, чтоб взрослые брали с собой зонтики, надевали плащи и галоши.

Меня, конечно, не пускали во двор, боялись, что простужусь. Но я знал: когда на небе вода закончится, всё вокруг будет другим.

И вот наконец за окном – первый снег! Не в силах удержать радость в себе, я кричал:

– Ура! Снег! Зима! Настя, зима!

Я в белой шубке. На шнурке из рукавов болтались красные варежки. А на голове – мягкая ушастая шапка.

От крыльца до калитки шли следы: папины – с полосками от сапог, мамины – с небольшой ямкой от каблука, плоские – от Настиных валенок, а самые малые – мои. Такое можно увидеть только зимой.

Санки у меня длинные, со спинкой. Я сидел плотно зажатый подлокотниками. Чувствовал колючесть плотного шарфа, хотя он завязан поверх воротника. На свободе – лишь глаза.

Настя за верёвку тянула санки, другой рукой размахивала, будто крылом, – наверно, это ей помогало.

Иногда она поворачивала ко мне раскалённое лицо, широко улыбалась и продолжала смешно бежать впереди санок. Я улыбался в ответ. Конечно, за шарфом не видно улыбки. Но был уверен, она знала: на всей нашей улице нет никого счастливее меня. Хотелось, чтоб так было всегда: зима, Настя и я. А когда вырасту, буду катать Настю. Только подлокотники придётся снять. Иначе она не сможет усесться в санки.

Орёл

В ремешке сандалий понадобились две дырочки.

– Пойдём к Акулычу, – обрадовала меня мама.

Я иногда видел его сквозь щели забора, он жил в соседнем доме, на первом этаже.

Дверь была открыта настежь.

Дядя Акулыч сидел на низком табурете. Он молча кивнул нам. В губах у него плотно зажаты чёрные мелкие гвоздики. Мама убила бы меня, возьми я в рот хоть один гвоздик. А здесь она – ни гугу. Ещё бы: у дяди такое строгое лицо, значит, человек занят серьёзным делом.

Коленями он придерживал железную палку, потом я узнал: это «лапа», на неё была надета чья-то перевернутая туфля. Двумя пальцами дядя Акулыч, как фокусник в цирке, вынимал изо рта гвоздик за гвоздиком, втыкал в подошву и лёгоньким ударом молотка вколачивал его по самую шляпку.

А у нас дома даже молотка не было.

Когда гвоздики во рту кончились, он поднял глаза:

– По какому случаю, мадам?

Мама объяснила про сандалии.

На низком столике, не глядя, он выбрал узкую трубочку с заостренным концом. Дважды стукнул по ремешкам, и новые дырочки появились, будто всегда там и были.

Когда он встал, оказалось, что табуретка у него особенная:

вместо сидения прибиты широкие полосы из брезента. Они немного провисали, и сидеть на них, наверно, было приятно.

У нас дома не было такой табуретки.

Мама заторопилась уйти, а мне разрешила остаться.

– Только не мешай дяде!

Чем я мог помешать? Как стоял, так и продолжил неотрывно смотреть. Нож в руке Акулыча плавно вырезал на гладкой резине не сразу понятные изгибы и получалась – подмётка. И это даже не нож, а самодельная острая железка, обмотанная тёмной тряпицей.

Я б никогда не узнал, что подошву можно пришивать, а нитка называется «дратвой», что есть гвоздики деревянные, что шило бывает изогнутое крючком и клей вкусно-превкусно пахнет.

И всё у дяди Акулыча получалось без усилия, так легко и просто, что мне казалось, я тут же мог бы сесть на его место и сделать не хуже.

Решение пришло сразу: буду сапожником.

Из деревянной шкатулки он брал щепотку махорки, рассыпал её по заготовленному клочку газеты. У дяди Акулыча ногти широкие, плоские. Он придавливал махорку, слегка прокручивая листок вперёд-назад, проводил языком по чистому краю бумажки – и сигарка готова. Уже потрескивал огонёк.

Мой папа курил трубку. Я знал: трубки курили пираты. Мой папа бухгалтер. Хоть и главный, но бухгалтер. Не пират.

Жаль, что возле нас нет моря.

Но он мой папа, самый-самый, другого папу – не хочу. Мне приятно смотреть, как пыхтит его трубка, люблю её душистый запах. У папы даже рукава сладко пахнут табаком.

А здесь, у дяди Акулыча, дым был едкий, резал глаза.

Вдруг я услышал непонятные звуки из другой комнаты: вроде свистулька, а может – котёнок пищал.

– Что это? – спросил я.

Он положил сигарку на край пепельницы.

– Пойдём, посмотрим.

На шкафчике, в клетке, из стороны в сторону прыгала жёлтая пташка, не больше воробья. И была похожа на живой цветок. Или кусочек солнца. Я никогда не видел такой красоты.

– Это орёл?!

– Сам ты орёл! – хмыкнул дядя Акулыч. – Ну ты даёшь! – орёл! Это русский кенар – порода канареек.

Кенар сидел на жёрдочке, вертел головкой, будто прислушивался. Не открывая клюва, произнёс тью-тью...

– Он свистит?

– Он поёт. Но не сейчас – к концу года. Полный голос выдаст.

– По-русски поёт?

Дядя Акулыч долго смеялся, даже закашлялся до слёз:

– Занятный пацан! Орёл! Как тебе объяснить: у этого кенара особый напев. Называется овсяночный. Но ты этого не

поймёшь...

– Конечно! – я охотно согласился.

А сердце радовалось: он назвал меня «пацан». Я уже – пацан!

Потом ребята из его дома рассказали: по-настоящему его имя Аким, – Акимыч. Но у него во рту зубы странные, острые, как у акулы... Кличка приросла, и он смирился, не управлял клиентов: Акулыч – нехай Акулыч... Абы копейка шла...

Двор и сад

В пять лет у меня уже была неприязнь к слову «работа». И такое чувство сохранилось надолго. Но об этом чуть позже.

Утро началось как обычно – мама страдала от того, что я плохо кушал:

– Почему из-за яичка мы должны воевать? Посмотри на себя, ты весь просвечиваешь...

Я смотрел на себя: ровная чёлка, щёки, стянутые к подбородку, и шея в воротнике – как стебель в стакане. Мама права. Но когда видел, как от удара трескалась верхушка яичка и ложечка вытягивала из скорлупного нутра желтоватую слизь, – меня знобило.

Наивность граничит с глупостью. Я был уверен, что в других домах завёден такой же распорядок, как у нас. После завтрака мама весело приказывала:

– А теперь за работу.

И мы переходили к письменному столу.

Я не понимал, почему после чая нельзя идти во двор, почему я должен рисовать закорючки и помнить их названия: а, бэ, вэ...

Хорошо бы жить на острове, где буквы ещё не придумали! Или в лесу – там вообще всё есть. Вместо радио птицы поют, рыбий жир никому не нужен, – живые рыбы в озере. Там, в лесу, земляника, малина растёт, грибы жарить можно.

Азбука не требуется... Чи, ши, ша... И без них известно, что чашка называется чашкой...

Часть нашего двора выложена плоскими камнями. Между ними пробились острые травинки. Рядом с крыльцом длинный стол упирался ногами в землю. Стол накрывали, когда приходили гости и если погода не возражала.

Во двор меня выпускали в панамке. Вокруг было пусто и скучно. Ни собаки, ни кошки – не с кем поговорить.

А в глубине двора – тёмный сад. Там тень. Там верещали незнакомые птицы. Но с ними не поиграешь. Они смотрели на меня сверху, объясняли друг другу, кто я такой, потом улетали по своим делам. На меня все смотрели сверху. Как я на муравьёв, даже когда на корточках. Вот собака смотрела бы в лицо.

В саду густая трава. Под ботинком трещали сухие ветки. Здесь надо было держаться настороже, ведь из-за каждого дерева мог выскочить индеец с копьём, в темноте кустов прятался пират с финкой. Против финки у меня сабля, а против копья – ружьё. Все шесть пуль попадали в голый живот индейца. Я не стрелял в голову, – ему будет больно.

На деревьях висели зелёные твёрдые яблоки. Они никогда не бывают красными. Мама говорила: это особый сорт. Я их не любил.

Зато были замечательные лопухи. Они огромные, как зонтики. А может, и больше. Некоторые из них выше меня.

Лист блестел, будто покрыт лаком, но с нижней стороны у него мягкие волосики, их приятно гладить. Когда начинался дождь, я прятался под лопухом, по нему тарабанили капли, а где я стоял – всегда сухо.

Слышал – меня звали, не откликался. Я занят: делал стрелы и лук – на случай, если сюда заглянут мокрые индейцы.

Но появилась Настя: накидывала мне на голову свой жакет и бегом тащила домой. Я успевал попрощаться с лопухами. Настя недовольна моим «до свидания»:

– Найшов собі дружків по разуму...

Настя, в отличие от мамы, никогда не наказывала, только обзывалась:

– Неслух! Люди ждуть, а він з лопухами базікає!

Это неправда. Я был послушный. Не сказать что паинька или тихоня. Но застенчивостью не отличался. Мама успевала меня переодеть, теперь на мне – темный бархатный костюмчик, белый бант на шее. Когда гости просили, быстро становился на стул. И начинал, что выучил недавно:

Скажи-ка, дядя, ведь недаром
Москва, спалённая пожаром,
Французу отдана...

Ну и так далее.

Я старался не глотать слова, произносил с выражением, как требовала мама. Правда, не всегда получалось гладко. А в конце к тому же непонятно: «Когда б на то не Божья

воля...». Мама говорила – с этим потом разберёмся.

Гости хлопали и хвалили.

Мне было ясно главное: наши за что-то всыпали французам. Но что такое – «драгуны с конскими хвостами» – спрашивал у доктора Шрайбера.

– Понимаете, дружок, наверно, солдаты держались за хвосты. Зачем? Привычка такая. А может, чтоб легче в атаку бежать.

Дядя Коля ухмылялся, не согласен:

– Доктор – не военный человек. Не спец. Он лечит девочек. Видишь, у него длинные пальцы. Как у музыканта.

Все смеялись, неизвестно почему. А папа раскуривал трубку. И доктору смешно. Даже жена, тетя Берта, звала его Шрайбер. Интересно, это имя или фамилия?

Видел: у дяди Коли широкая рука.

– А вы – доктор для мальчиков?

– Не доктор. Я помогаю твоему отцу.

– Играете в шахматы?

– Нет. Почему спрашиваешь?

– Папа говорит: когда играет в шахматы – это ему помогает.

– Я помогаю по работе.

– Ему нужна помощь?

Папа улыбался:

– Каждому человеку нужна помощь.

Дядя Коля поманил меня пальцем.

– В шахматы – не научился. Но играю в преферанс.

Я онемел от потрясения – какое слово! Про-фре-анс! Никогда не слышал! Его выговорить невозможно... А как играют в этот про-про-анс?..

– Рано тебе. Много будешь знать – скоро состаришься.

– Это хорошо! – радовался я. – Буду ходить, как мой девушка: с палкой... и – хромать!..

Не понял, чего они снова смеются?..

– Пап, а вот Насте не надо помогать, она всё умеет.

– Ты прав. Настя, хватит суетиться...

Папа уже несколько раз говорил Насте: посиди с нами, не бегай!

Настя делала озабоченное лицо, отмахивалась: некогда! Но я видел: она довольна, что её звали особо.

Я сидел между Настей и мамой. Папа встал с рюмкой в руке, все умолкли.

– Настя, глядя на этот стол, хочется не говорить, а приступить к еде. Причём немедленно. Но не сказать всё же нельзя: вы – удивительная мастерица! Не зря доктор Шрайбер по секрету сказал мне, что эти малосольные огурцы ему снятся. А Николай Михалыч уверяет, что ваши вареники с вишней мог бы сорок штук даже после обеда. Я ему верю. Умение кашеварить – конечно искусство. Но у Анастасии Петровны есть достоинство более ценное – у неё щедрое сердце! А это не каждому дано. Ваше здоровье, Настя!

– Та ви шо?! – Настя ладонью прикрыла рот, мяла лицо,

глаза мокрые.

После папиного тоста опять ожили голоса, заполнили комнату. Встретились друг с дружкой рюмки и стаканы, позванивали от удовольствия. Вилки, ножи снова начали трудиться.

Мама наклонилась над моей головой и прошептала в Настино ухо:

– Выпьем, чтоб Степан скоро вернулся...

Настя кивнула и вслепую взяла рюмку.

Бархотка

Мама плакала навзрыд, кусала губы – и вдруг схватила мокрое полотенце, стала стегать меня. Было больно и страшно. Я вопил:

– За что?! За что?!

Но мама не слышала, продолжала клепать по чему попало.

Прибежал Настя, прикрыла меня своим широким телом. Теперь все удары доставались ей.

Потом, наверное, мама устала. Сидела, опустив голову, вытирала слёзы, а Настя рядом, гладила её по плечам:

– Нэ беріть до серця! Прощу вас!

А мне грозила кулаком и повторяла всегдашнюю поговорку:

– Він закінче тюрмою!

Тюрьма меня не пугала. Вон дядя Стас: работает в ней – и всегда весёлый. По утрам, умываясь, мурлычет песенки, посвистывает не хуже птиц. Значит, тюрьмы бояться нечего.

Меня трясло от недоумения и обиды. По лбу стекали капли воды, повисали на кончике носа и смешивались со слезами.

Если послушный, но, по словам Насти, «кволий дитина» наказан, если его лупцуют мокрым, скрученным полотенцем – из-за пустяка, ни за что, – конечно же он думает о смерти. Представляет себе, как лежит в гробу, а родители рыдают

над ним, колотятся головой об стенку и швыряют в костёр все полотенца, которые есть в доме.

У Насти привычка: всегда клянётся святым угодником. Не знаю, кто он, этот угодник, но тоже клянусь им: я не сделал ничего плохого.

Мне захотелось сапоги.

Папа не одобрил эту затею: нет смысла – у ребёнка растёт нога, через год новая обувь станет мала.

Мама была согласна, что ноги растут. Но думает она наоборот: осенью сапожки придутся в самый раз – осенью ребёнок постоянно простужен. Тем более Акулыч обещал сделать на вырост, добавит стельки, можно будет ходить два-три сезона.

– Нет, – поправил я маму, – Акулыч сказал не «ходить», а – «шлёндрать».

Папа не стал спорить:

– Ладно, если Акулыч сказал...

Назавтра мы с мамой пошли в соседний дом.

Акулыч разогнал рукой махорчатый дымок, снял мерку с моей ноги и, послунив карандаш, что-то записал на отрывном календаре.

– Для нашего героя надобно хром искать. Думаю, за две недели управлюсь. Готовься, орёл!

Я спросил:

– Их надо клеить?

– Нет, парень, сапоги тачают.

– Это как?

– Будешь сапожничать – научишься.

– Буду! – заверил я, глядя на инструменты, на коробочки с мелкими гвоздями.

Акулыч называет их – тепсики.

На следующее утро я собрался проверить, как продвигаются наши дела, но мама запретила:

– Полработы не показывают. Закончит – позовёт. Он же сказал: две недели. Имей терпение.

И я принялся терпеть. Вёл себя как пайныка. Выучил наизусть длинный стих. Покорно выпивал стакан молока. Безропотно съедал яйца всмятку – а ведь от них кишки подкапывали к самому горлу.

И по несколько раз на дню задавал вопрос: уже кончились две недели?

Теперь главным врагом стали часы. Их тонкая стрелка прыгала от одной цифры к другой, будто проверяла, на месте ли цифры. А вот толстые стрелки совсем не шевелились. Только маятник качался впустую. Долгие дни уныло тянулись в квартире, пока не наступала ночь.

Мне снилось, что у солнца длинные ноги, а на них – мои сапожки. И стоят они в грязной луже от вчерашнего дождя. Я кричу: отдай, это мои, ты их испортишь! Но солнце без ушей, а ноги у него – тонкие, высоченные...

Я рассказал Насте про сон. Она сразу определила:

– Калюжа – це на сльози...

У папы я спросил:

– Может ли день пробежать, как ночь?

– Может, – ответил папа. – Делай то, что тебе интересно.

Я пошёл в сад. Но мама позвала:

– Вернись! Там сыро.

У крыльца из мокрой земли я долго вытягивал дождевого червя. Он становился всё длиннее, длиннее, растягивался, выскальзывал из пальцев. Не хотел наружу. Когда принёс его на кухню, Настя замахала руками:

– Ты шо, здурів?

Я объяснил, что он не вредный. И добавил:

– Папа сказал: делай, что тебе интересно.

– Ось і віднеси своєму татові.

Дни плелись, как волю, – медленно, лениво... Волон я в кино видел. Дождь не выпускал меня во двор. А в ясную погоду взрослые не разрешали за калитку. Собаку не обещали. Гостей давно не было. А про две недели и вспоминать нечего – наверное, они заблудились в лесу...

Неожиданно мама обрадовала:

– Сегодня пойдём к соседу.

Я запрыгал, готов был перелезть через забор, но мама одернула:

– Веди себя прилично.

Я знал: сапожки будут отличные. Как у папы. Ещё бы!

Ведь их мастерит тот же Акулыч.

Мама вошла первая, а я замер на пороге. Увидел – не поверил глазам. Забыл, что надо дышать.

...Они стояли на тумбочке, гладкие, блестящие, будто сделанные из тёмного стекла. Казалось, такое невозможно слепить руками. Да как в такой красотище шлёндрать по пыльной улице – и даже по росе?!

Мама сказала:

– Смотри: подошва – бежевая, загляденье!

Акулыч постучал по ней согнутым пальцем:

– Подошва в спирту мочена.

Он впихнул в носок каждого сапожка по клочку светло-серого войлока.

– Ну-ка, примерь.

Внутри голенищ были приделаны по две широкие петельки.

– Это, братец, чтоб натягивать легко. Берёшь пальцами...

Мы возвратились домой. Я – в матроске, коротких штаньках и сапогах. Настя, увидев, всплеснула руками:

– Клопик ти мій, гарнесенький!

Прижала к себе. Как приятен мне её запах...

Потом строго посмотрела со стороны и грозно решила:

– За нашего парубка в базарный день дадут добру ціну.

Продамо?

Мама улыбается. Мама ей всё прощает. Говорит, что На-

стя меня выкормила. Я этого не помню.

В нашей передней, недалеко от вешалки, стоял коричневый шкафчик: в нём держали обувь. Рядом с папиными сапогами мои выглядели лилипутами. А ведь мне уже минуло шесть лет и несколько месяцев!

Зато мои сапожки блестели лучше всех. В них можно смотреться, как в зеркало. Только ждать им здесь придётся до самой осени... Мама своё слово не меняет.

Ещё в шкафчике есть особая полка: там разложены в привычном порядке круглая коробка гуталина, разные щётки и папина бархотка. Папа ею наводит на своих сапогах блеск. Жаль, что она совсем потёртая.

Понятно, для новых сапожек подходит только новая бархотка. И приготовить её надо заранее. До осени ещё далеко, и сапожки обязательно покроются пылью. А ведь мама требует чистоты...

Я взял тяжёлые ножницы и уселся в шкафу, где висели мамины вещи. Сначала было трудно: внизу материал был сложен вдвое и ножницы лишь давили его, но не резали. Я старался изо всех сил, пальцы не слушались, одеревенели. Наконец пошло легче, и я вырезал нужную полоску. Бархотка вышла – чудо! Волоски на ней короткие, мягкие, точно на заказ.

Я хотел положить её в шкафчик – и как раз проходил мимо кухни, когда мама окликнула:

– Что это у тебя?

– Бархотка для моих сапог. Сам сделал!

– Покажи.

Я ожидал, что она похвалит.

Мама осторожно провела по бархотке рукой. Задумалась.

Чуть слышно ойкнула и побежала в спальню...

Настя подняла бархотку, подула на ворсинки:

– Дивна річ! От це майстер!..

И вдруг – как сейчас слышу – мамин крик:

– Котик! Мой котик!..

А я не мог взять в толк: при чём тут какой-то кот? У нас в доме нет кота... Или «котик» – это я?..

...Потом было мокрое, хлёсткое полотенце... Настя гладила, утешала маму... На полу валялась мамина шуба...

А я всхлипывал, задыхался, – не от боли, от обиды – и повторял, повторял прерывисто:

– Ма-а-а! Никто не увидит!.. никто не увидит... Это ведь сзади, никто не увидит!..

Рваные губы

Каждое лето мама с папой уезжают в какой-то Кисловодск. Если там вода кислая, зачем туда ехать? Мама говорит: у папы сердце, врачи советуют...

– А у меня?

– У тебя тоже сердце, но другое, тебе не надо.

Я не согласен. Хочу, чтоб у меня было, как у папы, тогда бы мы вместе – в поезде, на машине, куда угодно...

Но мы не вместе.

Настя и я едем в село, это считается – на дачу. «Ребёнку – для его лёгких – нужен кислород». Все дышат воздухом, а меня заставляют дышать кислородом. Родители пьют кислые воды, а я должен глотать кислороды. Село называется Вонячино. Так чем здесь дышать?

И ещё: «Ребёнок будет пить козье молоко». Я что – козлёнок?

Вдоль ограды росли высокие кусты. Коза стояла на задних ногах и тянулась к верхним листочкам. Я делал вид, будто не смотрю в её сторону. Но косил глазами, следил за ней. Мне даже показалось, вроде она перестала жевать. Нет, не показалось... Наклонив голову, она уже неслась через двор, её рога были нацелены в мой живот... Я спасаюсь на крыльце, захопываю дверь. Неужели она подумала – мне нужны её дурацкие листочки?..

Никого не волнует, что я боюсь козы. Дикий зверь, оттого и молоко противное. Я пью молоко, потому что обещал папе.

Ладно бы только коза разгуливала на свободе. Но и пара белых гусей траву щипали. Я о них плохого слова не подумал, травы не жалко. Но одному гусю, наверное, не понравилась моя панамка и белые носки, он зашипел, вытянул длинную шею и, размахивая страшными крыльями, загнал меня на территорию собаки.

Нет, то не собачка, которую можно погладить или посмотреть в глаза. У этой псины лапа как два кулачища. А зубы... их лучше издалека видеть. Лаять, как другие, пёс не умел: из распахнутой пасти выкатывался раскат грома, при этом длинное собачье тело сотрясалось до кончика хвоста. Псу ничего не стоит схватить меня за шкурку и перекинуть через плетень. Но он на привязи, цепь скользит по проволоке, и я убегаю за черту, где ему не достать.

Единственный, кто не обижает, – это кот. Вернее, просто не замечает, что я здесь. Он сплошь чёрный, будто вылез из дымохода, лишь глаза – ярко-зелёные. Он подолгу лежит на солнцепёке. А когда просыпается, пугает воробьёв и расхаживает вдоль ограды, словно проверяет: всё ли на месте.

Хозяйка дачи, одинокая крупная тётка, жила в пристройке с отдельным входом. Звали её Марфа. Каждому жильцу она рассказывала, что один из гостей научил кота делать сальто. Стоило к хвосту кота поднести палочку, как он без усилий переворачивался в воздухе и мягко приземлялся. По-

том терпеливо ждал, чтоб дали что-нибудь сладкое. Значит, зря говорят, что коты равнодушны к сладкому...

Если обыкновенный кот крутит сальто, неужели я не смогу?.. Видел в шапито акробатов, у них выпуклые мускулы, они подкидывали друг друга, как резиновые, вертели сальто вперёд-назад, будто в ногах пружины. Когда вырасту, непременно стану акробатом. Я уже отжимаюсь от пола...

Правда, было ещё событие, о чём маме рассказывать нельзя. Настя наконец позволила мне ходить босиком. По двору не очень приятно: трава колет, камни горячие. Зато на улице, по дороге, чудесная пыль. Тёплая, пуховая, не передать, как приятно топить в ней ноги по самую лодыжку. У нас в городе этой пыли не найти...

И ещё: в городе никогда не видел такой огромной луны. Здесь дома ниже, фонарей нет, вот она и опустилась, чтобы светить всем. Настя уверена: на Луне люди не живут. Так кто же там по ночам свет включает?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.